

Buasaeng Rattanaporn,
post-graduate student;

Anatoly A. Pripadchev,
PhD (Doctor of Philology), Professor,
Voronezh State University

Historical and Functional Bases of Differentiation of Phoneme and Prosodeme (on the material of I.S.Turgenev's works)

Key words: *language, speech, text, phoneme, prosodies, meaning, significance, systemic.*

Annotation: *The subject of the article that is the intercommunion of language and speech in the text. The aim of the article appear the speculation of the stress sounds serve as phonemes and the facts of language, as prosody and the facts of speech. The purpose of article – to show not number-position meaning of phonemes as a set of distinctive features and the consequence of their prosody of speech functions (intention) in the text. In order to identify phonemic, phonetic and prosodic system texts.*

В статье рассматриваются имена существительные в форме единственного и множественного числа с неподвижным ударением на гласном *и*, которое ассимилировало его исконную долготу и бывший староокутовый восходящий тон. Дериваты от этих имен иной частеречной отнесенности как более поздние по происхождению не описываются.

Становлению русского ударения уделяли внимание такие ученые, как В.В Колесов (4, р. 5-6), А.А Зализняк (3, р. 4), Р. Нахтигал (5, р. 166, 176-177), А.А. Припадчев (6, р. 6); (7, р. 18, 72-75) и другие. Однако русское ударение в историческом и функциональном аспектах изучено недостаточно. На это обращает внимание В.В. Колесов:

“В отечественной науке изучению др.-р. просодической системы препятствовали многие обстоятельства, однако уже к началу нынешнего века вопрос о необходимости изучения русского ударения в историческом плане назрел и неоднократно обсуждался ведущими учеными. Из архивных материалов можно уяснить атмосферу поисков и те основные задачи, которые ставили перед собой исследователи. Однако единственным существенным результатом этих обсуждений явилась классическая монография Васильева о каморе, все остальное осталось в черновиках и бесследно исчезло. В советское время основное внимание уделялось изучению истории литературного языка, но даже в таких узких рамках акцентологические вопросы ставились очень редко. На долгие годы единственным источником по истории ударения стали рукописи, введенные в научный оборот Васильевым.

В зарубежной литературе положение таково же: либо множество ошибочных суждений при отсутствии достоверного и обширного материала, либо скептические высказывания относительно самой возможности изучения др.-р. акцентуации (русские памятники с обозначением ударения появляются с XVII в. –Лер- Сплавинский; др.-р. ударение

невозможно определить в деталях до XVI в., но нет сомнения, что ударение в XI-XII вв. было тем же самым, что и в современном литературном языке-Мэтьюс) и т.д. Появившееся недавно исследование Кипарского по истории русского литературного ударения подтвердило эффективность изучения древних памятников. Обобщения Станга и Иллич-Свитыча позволяют осмыслить всё многообразие др.-р. фактов, из которых наибольший интерес представляют акцентные, расходящиеся с современным русским литературным ударением” (4, р. 5-6).

О недостаточной изученности ударения не только в древнерусском и старорусском языках, но и в национальном русском литературном языке, а также и в его диалектах пишет и А.А. Зализняк: “Настоящая книга не претендует на всесторонний разбор истории русского ударения. Рассмотрены лишь некоторые узловые проблемы и узловые хронологические точки. В итоге достаточно ясно видны контуры развития, но, разумеется, многие частные звенья выпущены. Так, например, мы не рассматриваем интервал, отделяющий старовеликорусский срез от современного, т.е. XVIII-XIX вв. Далее, в книге лишь в очень ограниченной степени затрагивается проблематика ударения в современных русских говорах. Причины здесь прежде всего в недостатке систематической (а не разрозненной и случайной) информации об ударении в говорах. В самом деле, вопросы по ударению, входящие в диалектологические программы, затрагивают лишь малую часть тех слов или словоформ, сведения о которых необходимы для полной характеристики акцентной системы говора. С другой стороны, достаточно полных акцентных описаний отдельного говора в диалектологической литературе чрезвычайно мало; они никоим образом не составляют сетки, покрывающей великорусскую территорию” (3, р. 4).

Говоря о недостаточной изученности русского ударения как в диахроническом аспекте, так и в синхронном, названные выше ученые в своих собственных исследованиях увязывают вопрос об ударении с вопросом о количестве и тоне гласных. О необходимости объединения понятий “ударение”, “количество” и “тон” в решении проблем просодии свидетельствуют и данные разных славянских языков. Р. Нахтигал пишет: “Праславянское различие долгих и кратких слогов сохранилось только в сербохорватском, словенском, чешском, словацком и словинском языках. Возможно, что это различие сохранял также и полабский язык. Утрата указанного выше различия произошла сравнительно поздно: в лужицком языке -в XVI в., в польском -в XV в., в русском языке долготы отмечались еще в XIV в. Утрачена долгота и в болгарском языке. Однако во всех этих языках сохраняются следы прежних количественных различий. <...>

Праславянское музыкальное ударение сохранили лишь сербохорватский и словенский языки. Во всех же других языках музыкальное ударение было заменено противоположным по качеству экспираторным, динамическим, ударением, сущность которого заключается в изменении силы, мощности воздушной струи при произношении. Однако следы прежнего музыкального ударения остались.

В русском языке они сохранились в различной двойной постановке ударения в так называемых “полногласных” формах слов (гóрод – горóх) и в подвижности ударения в склоняемых и спрягаемых формах. Чешский язык сохраняет краткость и долготу, связанную с различиями исконной нисходящей и восходящей интонации. В польском языке следы бывшего музыкального ударения сохраняются в “суженном” произношении

носовых гласных (соответствующем чешским долготам), различно отраженных под старой и новой акутовой интонацией.

В болгарском и полабском языках следы нисходящего ударения отражены в перестановке ударения на следующий слог. Это наблюдается также в словенском языке. Место ударения в сербохорватском и словенском языках является свободным, т.е. ударение может падать на любой слог в слове. В русском и болгарском языках и частично в кашубском со словинским и полабским оно является еще и подвижным, т.е. может приходиться на различные слоги одного и того же слова. В чешском, словацком, лужицком и польском языках ударение постоянное, т.е. связано с определенным слогом. В польском языке оно падает на предпоследний слог; в чешском, словацком и лужицком - на первый слог. Место ударения в русском языке и в чакавских говорах сербохорватского языка обычно совпадает. Это наиболее надежный источник для определения места праславянского ударения” (5, р. 166, 176-177).

При рассмотрении русского ударения необходим переход от фонетики к просодии, так как особенности русского ударения (его не -подвижность и подвижность) объясняются бывшими количественными и тоновыми характеристиками гласных. В движении от фонетики к просодии на первый план выходит на понятие “фонема”, а понятие “просодема”. В системе языка количество и тон гласных уже во многом не распознаются, хотя до сих пор они сказываются в распределении русских гласных, например, по подъёму (исконно долгие - верхнего подъёма, исконно краткие – среднего). Однако в системе речи представления о количестве и тоне гласных сохраняются, так как они во многом определяют характер русского уже не музыкального, а динамического, силового ударения, а именно: его неподвижность и подвижность.

Просодическим выделенными неподвижным ударением по основе в формах единственного и множественного числа (без дериватов, обычно более поздних по происхождению, чем имя существительное), которое ассимилировало исконную долготу гласных и староакутовый восходящий тон, в нашем материале являются, например, следующие синтаксемы.

Ермолай принадлежал одному из моих соседей, помещику старинного покроя. Помещики старинного покроя не любят «куликов» и придерживаются домашней живности (С.25).

Жѣвности - исконно долгий, бывший восходящий тон;
смысл – дружба.

Ермолай принадлежал одному из моих соседей, помещику старинного покроя. Помещики старинного покроя не любят «куликов» и придерживаются домашней живности. Разве только в необыкновенных случаях, как-то: во дни рождений, именин и выборов, повара старинных помещиков приступают к изготовлению долгоносых птиц и, войдя в азарт, свойственный русскому человеку, когда он сам хорошенько не знает, что делает, придумывают к ним такие мудреные приправы, что гости большей частью с любопытством и вниманием рассматривают поданные яства, но отведать их никак не решаются.

Его добродушное смуглое лицо, кое-где отмеченное рябинами, мне понравилось с первого взгляда (С.11-12).

Рябѣнами - исконно долгий, бывший восходящий тон;
смысл – добрый человек.

Мы поехали шагом; за деревней догнал нас человек лет сорока, высокого роста, худой, с небольшой загнутой назад головкой. *Его добродушное смуглое лицо, кое-где отмеченное рябинами, мне понравилось с первого взгляда.* Калиныч (как узнал я после) каждый день ходил с барином на охоту, носил его сумку, иногда и ружьё, замечал, где садится птица, доставал воды.

Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку, ладил с барином и с прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался кое-как (С.16).

Действительность - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – Хорь расчётливый.

Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист; Калиныч, напротив, принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных. *Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку, ладил с барином и с прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался кое-как.*

Узнал он, что я бывал за границей, любопытство его разгорелось... (С.18).

За границей – исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – было интересно.

Но Хорь не все рассказывал, он сам меня расспрашивал о многом. *Узнал он, что я бывал за границей, любопытство его разгорелось...* Калиныч от него не отставал; но Калиныча более трогали описания природы, гор, водопадов, необыкновенных зданий, больших городов; Хоря занимали вопросы административные и государственные.

Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед (С.19).

В силе - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – смелый взгляд в будущее.

Всех его расспросов я передать вам не могу, да и незачем; но из наших разговоров я вынес одно убеждение, которого, вероятно, никак не ожидают читатели,- убеждение, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. *Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед.*

Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не выворишь, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь (С.19).

Исключительности - исконно долгий, бывший восходящий тон;

Иезависимости - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – мог говорить не любые темы.

Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов. *Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не выворишь, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь.* Он действительно понимал свое положение.

Птицы засыпают – не все вдруг – по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки (С.22).

Птицы - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – вымирание.

Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синее. Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает. *Птицы засыпают – не все вдруг – по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки.*

Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз (С.23).

Йволга - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – сладость звука.

Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни еще сонливо посвистывают... Вот и они умолкли. *Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз.*

Арина вернулась с небольшим графинчиком и стаканом (С.30).

С графинчиком - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – возвращение Арины.

Арина вернулась с небольшим графинчиком и стаканом. Ермолай привстал, перекрестился и выпил духом. «Люблю!» - прибавил он.

По справедливости должен человек жить и ближнему помогать обязан есть (С.64).

По справедливости - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл - помощь друг другу.

Знаю, знаю, что ты мне скажешь,- перебил его Овсяников,- точно: *по справедливости должен человек жить и ближнему помогать обязан есть.* Бывает, что и себя жалеть не должен... Да ты разве все так поступаешь.

Просодически выделенными неподвижным ударением по основе в формах единственного и множественного числа (без дериватов, обычно более поздних по происхождению, чем имя существительное), которое ассимилировало исконную долготу гласных и староакутовый восходящий тон, в нашем материале являются следующие синтаксемы : ряби́нами, пти́цы, йволга, жи́вности, действíteльность, за гра́ницей, в си́ле, исключíteльности, пепели́ще, с графинчи́ком, по справедлívости, покровíteльство, незавísимости и др. В ряду приведенных синтаксем есть слова с конкретным и абстрактным значениями (пти́цы , незавísимости), древние и новые (в си́ле, исключíteльности), исконные и заимствованные (пти́цы, с графинчи́ком). Вместе с тем просодия как один из важнейших уровней речи нейтрализует эти новации и «приобретения» неизменностью позиций ударностей на основе и их неподвижностью. В свою очередь неподвижность, являясь результатом ассимиляции долготы и восходящего тона, нейтрализует языковую противопоставленность гласных фонем *и* и, например, *а*, *у*, *ы* по ряду, подъёму и лабиализации / нелабиализации в пользу таких речевых признаков просодемы, как ударность (си́ла), количество и тон. Механизм речемыслительной деятельности очевиден: язык различает, а речь отождествляет.

Просодическое выделение синтаксем неподвижностью ударения на *и* не случайно. В проекции на текст такие синтаксемы получают значимости, то есть выполняют конкретную речевую функцию, участвуя в выражении того или иного смысла. Рассмотренные синтаксемы участвуют в обозначении следующих смыслов: «доброта», «расчётливость», «интерес», «смелость», «разговорчивость», «замирание», «сладкозвучие», «дружба», «взаимопомощь», «изменение», «помощь», «возвращение», и др.

Протяженность во времени исконно долгого гласного *и* под бывшим староакутовым восходящим тоном сообщается и типу композиционных форм речи. В основном такая просодема отмечается в **описании** и **рассуждении**. Важно и то, что через смыслы как речевые функции синтаксисом с неподвижным ударением на *и*, а также *а*, *у*, *ы* мы приближаемся к фрагментам художественной картины мира И.С. Тургенева.

Итак, в теории проведенного исследования акцентируются понятия “язык” и “речь”. Сущность языка заключается в различительном означивании. Такое означивание приводит к выявлению языковой фонематической системности текстов и к идентификации фонем: гласные фонемы имеют инвариантные дифференциальные признаки ряда, подъёма, лабиализации / нелабиализации; согласные имеют признаки места, способа образования, уровня шума, голоса, твердости и мягкости. Сущность речи заключается в сходном означивании, в отождествлении. Такое означивание приводит к другому результату - к выявлению речевой фонетической системности текста и к идентификации звука, например, *ь* как следствия нейтрализации противопоставления гласных фонем *о* и *а* по ряду, подъёму и лабиализации / нелабиализации в слабой безударной позиции. Или к идентификации звука *ь* как результата нейтрализации противопоставления гласных фонем *и* и *е* по ряду и подъёму тоже в слабой безударной позиции. Речевое сходное означивание приводит и ещё к одному важному результату - к выявлению речевой просодической системности текста и к идентификации просодемы, “бестелесного” означающего, по словам Ф.де Соссюра (Соссюр, 1977, с.151), как следствия нейтрализации, например, фонем *а*, *и*, *ы*, *у* или фонем *о*, *е* по ряду, подъёму, лабиализации / нелабиализации в сильной ударной позиции неподвижностью ударения как рефлекса их исконной или переходной долготы и старого и нового восходящих тонов. Язык как жесткая система различения в данных истории отличается сменностью состава фонем. Речь как гибкая система отождествления в данных истории обнаруживает большую устойчивость, особенно просодему.

References:

1. Avanesov RI. *The emphasis in the modern Russian literary language*. Moscow, 1958.
2. Bryzgunova EA. *The sounds and intonations of Russian speech*. Moscow, 1977.
3. Zaliznyak AA. *From Proto-Slavic accentuation to Russian*. Moscow, 1985.
4. Kolesov VV. *The history of Russian accent*. Leningrad, 1972.
5. Nahtigal R. *Slavic languages*. Moscow, 1963.
6. Pripadchev AA. *Historical grammar of Russian language*. Voronezh, 1996.
7. Pripadchev AA. *Comparative phonetics of Slavic languages*. Voronezh 1994.
8. Saussure F. *Works for language-knowledge*. Moscow, 1977.
9. Turgenev IS. *Notes of a Hunter*. Moscow, publisher "Russian language", 1979.

The article is a verification concept, published in the Bulletin of Voronezh State University, but piloted in this article to other material